ИЗУЧЕНИЕ СУБЪЕКТА В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ: КОГНИТИВНЫЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД[1]

STUDYING OF SUBJECT IN NORM AND PATHOLOGY: COGNITIVE AND PENOMENOLOGICAL APROACH

Косилова Елена Владимировна, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (implicatio@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается область применения когнитивных наук, прежде всего, психологии, к изучению субъекта. Выделяются наиболее распространенные методы когнитивной науки. Указывается, что наука по природе своей не может изучать свободно действующего субъекта. Однако свобода вводится как градуальная, с большой областью когнитивных модулей, действующих каузально, т.е. поддающихся научному изучению. Подробно рассматривается различие между количественными и качественными методами. Для сравнения привлекается феноменологическая психология. На материале патологии – шизофрении и аутизма – сравниваются подходы когнитивной психологии и феноменологии. Вывод статьи: данные когнитивной науки нуждаются в философско-психологической интерпретации. Насущная методологическая потребность когнитивной психологии состоит в том, чтобы стать междисциплинарной наукой с привлечением феноменологической психологии. Это даст новые возможности для инклюзии.

Ключевые слова: *когнитивные науки, субъект, свобода, количественные методы, качественные методы, феноменология, понимание*

---

[1] Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ, грант № 15-03-00820а.

E.V. Kosilova, PhD of philosophy, lecturer
Lomonosov Moscow State University, faculty of philosophy

The paper deals with the problem of the application of cognitive sciences, first of all psychology, to the investigation of the subject. Mostly wide used methods of cognitive sciences are analyzed. The science by its nature cannot investigate a freely acting subject. But the freedom is gradual, with many cognitive modules, working causally; so science can study their working. In general, methods of cognitive sciences are quantitative. Cognitive sciences and phenomenology are compared in their approaches to mental diseases, schizophrenia and autism. The paper's conclusion is: cognitive sciences' data need philosophical and psychological interpretation. The insistent methodological need of cognitive psychology is to become an interdisciplinary science, appealing to the phenomenological psychology. It provides new ways of the inclusion.

Key words*: cognitive sciences, subject, freedom, qualitative methods, quantitative methods, phenomenology, understanding.*

1. Определения

1.1. Что мы понимаем под когнитивной наукой?

Когнитивные науки [8; 32] являются одновременно и единым исследовательским междисциплинарным полем, и совокупностью отдельных наук. Входящие в их состав отдельные науки сохраняют автономию и значительное разнообразие, но в то же время исследования в рамках когнитивных наук почти всегда задействуют подходы и результаты нескольких наук. Речь прежде всего идет о таких науках, как когнитивная психология, философия сознания. Предметом когнитивной науки являются различные аспекты познания и мышления: законы восприятия, обработки, хранения и воспроизведения информации, связь их с устройством мозга человека и возможность реализации обработки информации на других

носителях, исследования в области искусственного интеллекта, роль языка в познании, законы передачи информации, проблемы понимания и интерпретации, роль эволюционных механизмов в мышлении, специфика особых типов мышления [16; 37]. Ниже я буду в основном опираться на материалы и методы когнитивной психологии и философии сознания.

Если мы изучим состояние современной когнитивной науки (Косилова, а), то окажется, что она не только мультидисциплинарна, но и несовместимо мультидисциплинарна: в нее входят экспериментальные науки, прежде всего психология [8] и психофизиология, и принципиально неэкспериментальная наука философия, прежде всего это философия сознания [11; 9] и феноменология. Таким образом, когнитивная наука представляет собой гибрид. Можно восхищаться умением современных широкоэрудированных ученых находить общий язык при столь разных собственных позициях, но можно и критически проанализировать, что возможно, а что нет, при таком гибридном строении науки.

Прежде всего, нас будет интересовать вопрос, насколько когнитивная наука способна изучать субъекта.

Условно разделим методы когнитивной науки.

Нейробиология – изучение мышления на уровне нейронов (инвазивное, то есть со вскрытием мозга; возможно, и даже проводится при определенных нейрооперациях, но дает мало результатов);

фМРТ – претендует на изучение работы мозга неинвазиво, по интенсивности замеряемого кровотока делается вывод об интенсивности работы данного участка мозга;

ЭЭГ – регистрация электрической активности, при определенных условиях превышает, но в общем равна эффективности МРТ;

Бихевиоризм – мышление понимается как черный ящик, вывод о нем делается по схеме стимул-реакция

Феноменологическое описание – объективное описание поведения, якобы отражающего мышление, с обсуждением смысла данного поведения

Философия сознания — сфера порождения гипотез о функционировании мышления, источник задач и эвристик для философии сознания.

1.2. Что мы будем понимать под субъектом?

Мы будем называть субъектом человека, осмысленно и свободно действующего, оценивающего и принимающего решения. Прежде всего, еще в рамках определения, нас интересует, насколько средний человек является таким субъектом? Действует ли он всегда осмысленно и свободно, свободно ли он выносит оценки и принимает решения?

Основной парадокс субъекта в психологии [4; 16 и мн. др.]: многие авторы дают разное определение субъекта, однако, из любого определения субъекта непосредственно следует, что субъект не может быть тем, что изучается. Субъект – не объект познания, наоборот, это познающее начало. Безусловно субъектом является сам психолог, но является ли им испытуемый? Если мы превращаем что бы то ни было в объект, в том числе в объект изучения, оно перестает быть субъектом (если было). Можно изучать человека, его сознание, его психику или его душу. Но как изучать субъекта? Мы увидим далее, что помочь разобраться в этом может философия.

Рассмотрим свободу субъекта. В свободу входит: 1) независимость действия (или хотя бы мысли) от каузальной определенности; 2) осмысленность этого действия; 3) кажется, что свободное решение всегда сначала принимается, потом исполняется, но это не обязательно. Если до этого человек находился в состоянии принятия решений в одной и той же ситуации, то принятие решений и само решение по времени практически совпадают.

В данном обзоре проблем мы будем в качестве рабочего определения свободы рассматривать независимость субъекта от любой каузальной определенности [16].

Благодаря разнообразным случайным и нелинейным процессам в мозге, свободой может показаться случайность, как отсутствие каузальности. Чтобы не впасть в заблуждение и не перепутать свободу и случайность, свободными следует считать только осмысленные действия. Это вносит серьезную трудность в определение свободы, так как осмысленность действия довольно легко посчитать его каузальной детерминированностью. Следовательно, следует сказать несколько слов об осмысленности. Осмысленные действия могут являться более или менее адекватными, однако важно, что субъект совершает их как принимающее решения действующее лицо. Итак – опять, в рабочем смысле – осмысленным действием является такое, которое связывает субъекта с ситуацией, где он свободно и вне-каузально определяет, как именно действовать. Лучше всего, когда сама ситуация не является вынуждающей его, но, как показывает Сартр, в любой ситуации можно оставаться свободным [30].

Но Сартр рассматривал зависимость от внешней определенности, у него нет вопроса mind/body problem [31]. Если субъект подвергнется, скажем, лоботомии, ничто уже не сделает его свободным. Как только мы попадаем из области экзистенциализма в область аналитической философии и тем более современной когнитивной науки, мы видим намного меньше возможностей для свободы. Фактически связь мозга (каузально замкнутое тело) и сознания выливается там в теорию тождества, эпифеноменализма или отказа от решения (МакГинн). Чалмерс и его последователи даже ставят вопрос, "почему психические процессы не идут в темноте", не ставя вопрос, каким образом "свет" вносит изменения в эти психические процессы. А ведь свет и есть свобода. Нет никакой надобности "освещать", то есть делать объектами свободного сознания, такие каузальные процессы в мозге, как, например, управление дыханием, тонус позных мышц и т.п. [7]

И сначала мы видим варианты, между которыми пропасть: полностью свободные действия в экзистенциализме; несвободные или иллюзорно свободные у материалистов. Но вполне можно исходить из того, что свобода определяется не по принципу "все или ничего", а градуально (некая светотень – вполне возможное состояние). Можно выделить несвободные, низкосвободные, среднесвободные действия и т.д. Среди типов мышления можно выделить механизмы, автоматизмы, решения, выборы согласно ценностям, задачи, требующие осмысленного решения, творчество. Мы будем такую иерархию называть "нижними" и "верхними" уровнями мышления, иногда абстрагируясь от того, что нижние этажи (например, чистая перцепция) – это вообще не мышление.

2. Характеристика достижений современной психологии

2.1. Когнитивная психология

В изучении "низших" степеней когнитивной наукой сделано уже очень многое.

Прежде всего, тщательно изучена перцепция и согласованная работа анализаторов. Это работает как бы машина, встроенная в мозг. Например, зрение переходит в распознавание образов посредством зрительного анализатора. Фодор называет такие анализаторы модулями [38].

В настоящее время главной темой и главной концентрацией открытий в этой области можно считать изучение "активности познающего субъекта". Речь идет о том, что в воспоминаниях и даже в непосредственном восприятии идет активное *конституирование*: вИдение есть констиуирование образов, воспоминание — это вообще скорее роман о себе, настолько сильно оно искажает вспомненное [8].

Изучает когнитивная психология и типы мышления, которые находятся на "среднем" уровне шкалы свободы. В качестве примера можно назвать внимание, которое может быть непроизвольным и произвольным (причем произвольное часто носит не свободный, а промежуточный характер, но

может быть и свободным), а также память, которая постоянно работает в мышлении, например, при распознавании образов, и в основном это непроизвольное и конечно не свободное действие памяти, но оно может быть и результатом осознанного решения что-либо вспомнить.

Что касается абсолютно свободных решений, то наука не может изучать их по определению. В частности, так трудно когнитивистам изучать творчество, научную работу, основанную на гипотезах, истинно моральные решения (каковые имеют место в любой ситуации; в частности, в опытах Зимбардо были испытуемые, которые отказывались продолжать жестокий эксперимент - невозможно на научном языке описать, что происходит в разуме этих людей.) [15]

В знаменитом компендиуме [32] творчеству и продуктивному мышлению посвящено 70 страниц из 500.

С этим связана важнейшая проблема когнитивной науки: субъекта, как такового, свободно принимающего решения существа, она вообще не изучает. То, что она в своем предмете называет субъектом – это объект. Невозможно видеть мышление, это черный ящик, поэтому о мышлении судят по поведению (речевому или невербальному), а также, в последнее время, с использованием так называемого метода фМРТ[2], что, в общем, одно и то же. Поэтому субъекта во всей полноте, в том числе там, где он свободен, она изучать не может. Выше приведен пример морального поступка и решения математической задачи.

Невозможность научно изучать мораль достаточно очевидна. Однако в чем невозможность изучения решения математической задачи? В работе [19] показано, что до сих пор нет даже убедительных данных по фМРТ-локализации высшего математического мышления (при том, что исследования, конечно, ведутся). Нет никаких когнитивных схем математического мышления. Это было также доказано Пенроузом на примере как раз решения сложной математической задачи, доказано логически, с

[2] При данном методе замеряется интенсивность кровотока в мозге в том месте, где, предположительно, происходит активная работа.

опорой на теорему Геделя [26]. Однако изучение низших математических функций (счет) могло бы быть исследовано когнитивистикой, поскольку в иных науках показано, что счет относится к низшим когнитивным способностям.

Приблизительно так же обстоит дело с логическим мышлением: нет никаких данных о том, как оно осуществляется на уровне мозга. Правда, в этом случае имеются бихевиористские исследования, но их когнитивная обработка недостаточна.

2.2. Когнитивная и феноменологическая психология: количественные и качественные методы

Разделим методы психологии в соответствии с разобщенностью самой науки и ее предмета. Об основополагающих проблемах разобщенности психологии я не буду много говорить, это достаточно хорошо известный факт. Существует естественнонаучно- (а лучше сказать биологически) -ориентированная психология, ориентированная на получение воспроизводимых данных и изучения мозга. И существует психология, ориентированная на понимание того, что происходит "в душе" или, в случае когнитивной психологии, в мышлении отдельного человека.

Эти два вида психологии были давно разделены В. Дильтеем [12] и очень подробно описаны К. Ясперсом [36; 27] под названием объяснение/понимание. Объяснение – метод естественных наук, оно всегда гипотетично, требует гипотезы и большого количества опытов для проверки, что касается предлагаемых объяснений, то они, как стало ясно из трудов постпозитвистов [29] никогда не достигают абсолютности и иногда совершенно пересматриваются [20]. В нашем случае когнитивная психология в своей "объяснительной" части даже не предлагает особых объяснений, просто фиксируя результаты опытов. Впрочем, ниже я буду писать о материале патологии и покажу, что определенные объяснения все-таки даются. Поскольку о понимании и объяснении в психологии далеко не все

решаются говорить после прошедшего века бихевиоризма и психоанализа, сейчас эти методы получили боле нейтральные названия количественных и качественных. Психология, ориентированная естественнонаучно, разумеется, стремится прибегать к количественным методам. То же самое характерно и для соответствующим образом ориентированной когнитивистики. Широко применяются такие методы, как тесты, опросники, эксперименты на время и т.д. Все это потом, разумеется, обсчитывается статистически. Стремление к статистической достоверности толкает количественную науку на бездумное применение любых методов вследствие большого количества испытуемых. Даже такие вроде бы индивидуализированные методики, как проективные тесты, применяются алгоритмизированно. Изучение новых для когнитивистики исследовательских полей, например, способности к управлению, изучается методом моделирования на компьютере и вычисления корреляции с классическими тестами типа IQ и MMPI.

Некоторые результаты интересны, например, в вышеприведенном примере лучшими управленцами оказались люди со средними показателями IQ. Но – почему? Как они принимали свои управленческие решения? Почему более "способным" это не удалось? – Всего этого мы не узнаем из психологии, ориентированной количественно, а не качественно.

2.3. Методология феноменологической психологии

Феноменология как область философии ведет свое начало от работ Э. Гуссерля (1859-1938), однако изложение даже основных идей философской феноменологии здесь невозможно. Скажем кратко, что в ней обсуждается работа сознания субъекта.

В психологию феноменология проникала несколькими путями, минимум тремя. Во-первых, работы Гуссерля вдохновили многих представителей гештальт-психологии, которых можно назвать его непосредственными учениками. Во-вторых, через экзистенциализм, непосредственной предшественницей которого она была. Экзистенциализм

же оказался крайне созвучен и даже остро необходим в области патопсихологии, достаточно назвать Ясперса. В-третьих, непосредственно, через работы психологов, читавших работы Гуссерля. Гуссерль писал очень сложно, в пересказах часто терялись его центральные, самые глубокие мысли, но это оказалось не критично для психологов, поскольку в сложной философии они в данном случае не нуждались, а среди того, что было акцептировано, оказались идеи, важные для психологии.

Скажем несколько слов о психологический стороне феноменологии. Прежде всего, было заново введено понятие *смысла*, утраченное за время эпохи господства бихевиоризма, психоанализа и материалистических учений о том, что психика – это не более чем порождение работы мозга. Феноменология в психологии достаточно близка экзистенциализму (она и в философии была его предшественницей), поэтому следующие идеи, можно сказать, принадлежат им совместно: любое творчество больных, даже бред, всегда имеет смысл ("интенционально") и в общем случае требует понимания. Ясперс ввел несколько более умеренное требование: понимать следует (прежде всего стараться проникнуть в переживания) то, что *возможно* понять при условии полного напряжения воображения и эмпатии врача[3], но многие другие феноменологи-экзистенциалисты были не согласны с ним [2, 22]. Во всяком случае, он положил начало *беспредпосылочному* подходу к творчеству больных [36], благодаря чему вообще вспыхнул интерес к изучению их творчества и их внутренних переживаний. Патопсихологи стали подходить к внутренней жизни больных не как к чему-то фантастическому, а как к осмысленным, хотя и болезненным, переживаниям. Наконец, стоит назвать особый интерес к языку психически больных. Корнем здесь явилась не только и не столько феноменология, сколько работы французского психиатра и психоаналитика Ж. Лакана [21], которые дали очень много для последующего осмысления их в постмодерне, хотя мало –

[3] Это является у Ясперса критерием психической болезни: если даже при максимальном напряжении способности понимания все же понять субъекта невозможно (например, он видит то, чего другие не видят), то это психически больной человек.

работающим психиатрам. Но не сходит с повестки дня вопрос понимания речи больных (при разных формах бреда, например), о том, что в ней осмысленного, а что является признаком речевого поражения. Для этого привлекается и еще одна "дочь" феноменологии – герменевтика, о которой мы здесь писать не будем.

Можно подвести краткий итог влияния феноменологии в области патопсихологии: она обратила внимание на уникальность больного, на осмысленность и потенциальную понятность его переживаний. Это, естественно, ведет и к изменению отношения психолога к больному. Феноменологический – т.е. понимающий, качественный подход принципиально отвергает количественные методы. Для феноменологического понимания нужен *один* экспериментатор и *один* испытуемый. Смысл можно понять в пространстве между двумя людьми, нельзя понимать сразу несколько десятков человек. Нельзя затем статистически усреднять их переживания согласно надежности хи-критерия. В силу определенных общенаучных и даже общекультурных трендов статистические требования торжествуют, а работа с уникальностью становится все менее возможной.

3. Исследования патологии

Я не случайно выбрала для описания качественных методов психологии работу с психологической патологией. На примере патологии легче всего показать границы когнитивной науки и ее потребность во взаимодействии с феноменологией. Тогда появляется шанс понимания. Начало когнитивным изучениям шизофрении положил, разумеется, Ясперс своей «Общей психопатологией». Также необходимо упомянуть Блейлера, пытавшегося проанализировать шизофренический аутизм, но его работы трудно отнести к когнитивной психологии.

Кратко охарактеризуем методы исследований патологии. Прежде всего, это обычные для психологов задачи (измерение скорости счета в разных условиях) и опросники. Большой вклад в психологию внес психоанализ: свободные ассоциации, толкование сновидений и толкование рисунков, как для взрослых, так и для детей, проективные рисунки и рисунки на свободную тему. Все это оказалось очень полезно в общей психологии, но когнитивная ее ветвь востребует эти сильные методы незначительно. Во-первых, их трудно обрабатывать количественно, по природе они качественные, хотя в принципе это возможно. Во-вторых, когнитивная психология, хотя она вроде бы изучает, как субъект мыслит, на самом деле сосредоточена на его "школьных" способностях: счет, чтение, запоминание, распознавание образов и так далее, как будто человек – это машина, которой кроме школы ничего не надо. Очень мало – если вообще есть – изучений мышления при любви, дружбе, увлечениях. Когнитивная психология не считает это областью мышления, как будто влюбленные или друзья ни о чем не думают.

Нельзя не сказать в самом начале о продуктивнейшей спарке "когнитивная психология – психофизиология", которая позволила получить огромное количество нового материала. К сожалению, поскольку ни та, ни другая науки на являются понимающими, и, поскольку отсутствует понимание, отсутствуют пока и перспективы как-нибудь употребить эти данные для изучения субъекта.

3.1. Лингвистические методы

В когнитивном изучении патологиии важную роль занимают методы, которые можно назвать лингвистическими. Область когнитивной психологии, изучающая овладение языком, употребление языка, хранение языковой информации и другие аспекты языковой деятельности, носит название психолингвистика[4] [13]. Здесь главная тема исследования – афазии. Раньше

[4] Психолингвистика – один из лучших способов показать, насколько легче когнитивным наукам изучать восприятие, нежели продуцирование, достаточно подсчитать количество работ, посвященных тому и другому.

считалось, что это способ установить локализацию определенных зон речи в мозге. В последнее время, с вовлечением в круг афазий шизофренической афазии, афазии при аутизме, особых «автономных афазий» психолингвистика дает материал для изучения мышления при определенных состояниях субъекта.

Следует упомянуть также так называемый системно-лингвистический метод. Он предполагает объяснение бреда путем сдвига системы означающих относительно означаемых. Грубо говоря, для матери на первом месте было здоровье ребенка, а стала его религиозность – это, конечно, не бред, это лишь пример, но при шизофрении такое бывает. И главное, что все действия толкуются в соответствии с этим новым смысловым центром. В случае психической болезни субъект не свободен в выборе центра системы своей интерпретации.

Сюда же можно отнести когнивно-бихевиоральный подход Бэка [6]. Теория Бэка – как бы зеркальное отражение психоанализа. Психоанализ рассматривает влияние бессознательных аффектов на мышление, Бэк – наоборот. Для него способы структурирования ситуаций и событий влияют на аффективное состояние и поведение человека. Знания о событиях зависят от отношений и схем (в имеющемся опыте). Эти схемы используются при классификациях, интерпретации и оценке событий. Например, анализируя депрессию, Бэк выделяет центральный фактор: негативно ориентированное мышление. Для него это наиболее существенный фактор депрессии. Эмоциональное состояние – каким для любого «понимающего» психиатра является депрессия – для когнитивного подхода в патопсихологии не играет роли. Как можно ограничиться только изучением нарушений мышления при изучении такого заболевания, как депрессия – понять невозможно.

3.2. Исследования шизофрении

Анализ мышления при шизофрении – широчайшее поле исследования. На конец XX века можно считать, что его результаты подведены Б.Ф.

Зейгарник (1900-1988) [14]. Основным итогом на тот период считалось, что мышление больных шизофренией «разорвано», хаотично, а при параноидальных формах – сосредоточено на бреде и галлюцинациях.

Однако исследования продолжались, в том числе с применением новейших методик. Стало более ясно соотношение шизофренического процесса и процесса творчества [5], соотношение шизоидного типа мышления и нестандартно высоких результатов в некоторых областях, например, в математике, где требуется повышенная спонтанность мышления. Поскольку самой прямой дорогой к мышлению считается речь, весьма значительное количество результатов касается речи больных. Здесь новаторские исследования принадлежат, безусловно, Лакану [21]. По его мысли (Лакан – психоаналитик), как бессознательное, так и сознательное представляют собой речь, или дискурс, но больной субъект теряет контроль над своим бессознательным, и его бессознательный дискурс вырывается наружу. Психоанализ напрямую к когнитивным наукам не относится, действуя совсем различными с ними методиками, но было бы неверно игнорировать мысли психоанализа в науке о мышлении. Если бы не психоаналитические прорывы, то, возможно, не появилось бы такое новое направление на стыке психиатрии и филологии, как, например, психиатрическая семантика или лингвистика. Оно представлено у нас книгами питерских авторов Пашковского В.Э., Пиотровской В.Р. и Пиотровского Р.Г "Психиатрическая лингвистика" [25], Микиртумова Б.Е. и Ильичева А.Б. "Клиническая семантика психопатологии" [23]. Представители этого направления пытаются выявить глубинные особенности мышления больных по их речи. Здесь важно, что авторы этого направления, как правило, не принимают заранее диагнозы и факт болезни как данность, а пытаются найти более-менее объективные критерии. Достаточно часто у них получается предсказуемый результат следующего вида: "отличить текст больного автора от текста здорового автора можно только если знаешь, здоров автор или болен". Ценно в этом то, что они этого не скрывают. Все

снова упирается в вопрос о свободе: считают ли они своего испытуемого свободным или нет? «Понять человека можно только в его свободе» [36]. Если да, то им приходится жертвовать частью научности, например, воспроизводимостью, количественной точностью обсчета. Если нет, то они изучают машину, встроенную в человека, но не субъекта, и, в сущности, не понимают, что делают. Смысл того, что испытуемый субъект имеет в виду, совершенно ускользает от количественных методов исследования. Но в лучших работах, подобных процитированным, в будущем, возможно, результаты откроются и с другой стороны, доступной пониманию.

Кратко скажу, какие результаты изучения шизофрении мне представляются самыми важными с точки зрения когнитивного исследования субъекта: во-первых, стало ясно, что волевая составляющая субъектности находится в сложных отношениях с интеллектуальной (до этого считалось, что они друг от друга не зависят). Когнитивистика не изучает волю, по крайней мере, не ставит себе такой задачи, поэтому здесь ее поджидает очередная трудность. Появились доказательства того, что интегрированное цельное Я – это вторичное состояние субъекта, к тому же требующее постоянных усилий для его поддержания, а первичным состоянием является расщепленность [Лэйнг, 1995], в том числе расщепленность восприятия и согласования перцептивных данных.

3.3. Вопрос о смысле стоит остро

Это, на мой взгляд, один из самых сложных вопросов когнитивной науки. Смысл понимается, а не объясняется [36]. Однако когда ученый замеряет количество повторяющихся слов в непосредственном и отсроченном запоминании (самая обычная постановка опыта в психологии), никакого смысла за этим не видно, это та самая наука, которая «не мыслит» (Хайдеггер). С другой стороны, ученый, как бы они ни хотел получить результат, не может не хотеть понять хотя бы что-нибудь о смысле

полученных данных для субъекта (в данном случае самого близкого себе: себя!) [39].

Вопрос стоит остро: имеет ли место в когнитивной психологии *понимание*, или эти ученые работают механически, как генетики с ДНК, понять которую (ДНК) невозможно? Выше я постулировала это, но, конечно, это не совсем так. В потоке психолингвистческой литературы можно встретить рассуждение "на понимание" (Пашковский и др.). Конечно, у стоящей в истоке этих исследований выдающейся фигуры Лакана нет ни следа бессмысленных количественных методов, но его работы и являются не типично когнитивными, они лишь дали ход одному из направлений психолингвистики.

Когнитивная психология, являясь по преимуществу количественной наукой, где властвуют опыт и воспроизводимость, не может претендовать на понимание субъекта. Редкие случаи, подобные опытам Зимбардо или работам серьезных психолингвистов, находятся на границе когнитивной науки и общей психологии. Тем более это непонимание касается современной когнитивной науки, интенсивно взаимодействующей с психофизиологией. Знание о локализациях мозговых функций полезно, допустим, при операциях на мозге, но для понимания субъекта оно не дает ничего, что называется, ни уму ни сердцу. Когнитивной психологии не хватает понимания – ей необходимо раскрываться к другим подходам и областям психологии. Продуктивнее всего представляется феноменология.

3.4. Ранний детский аутизм

Ранний детский аутизм (РДА) – это расстройство развития психики, которое характеризуется: 1) снижением или отсутствием коммуникативных навыков, в том числе, обычно, речи; 2) снижением или отсутствием социальных навыков; 3) ослаблением функции воображения и символизации [1]; 3) склонностью к ригидности, стереотипии [3].

Когнитивные исследования аутизма проводить трудно, так как больные не взаимодействуют с психологом. Однако удалось показать, что их интеллект не снижен, среди них высок процент савантов, обладающими особыми способностями, но они не охватывают большие объемы смысла, сосредотачиваясь на деталях. Поскольку шансов на взаимодействие больного с психологом нет, когнитивистике остается с помощью инструментальных установок выяснять траекторию движения глаз, объем отсроченного запоминания (огромный!) и тому подобные. Воображение и символизация исследовались на неглубоких аутистах опросниковыми, тестовыми методами, решением задач. Удалось установить у лиц, страдающих аутизмом, отсутствие так называемой теории мысли ("theory of mind") – представления о том, что другие люди имеют сознание, что у них также есть переживания. Они не способны встать на точку зрения другого человека. Надо заметить, что это редкий случай, когда когнитивными (в данном случае это был тест на решение задачи) методами удалось установить нечто понятное. [40]

На этом примере мы рассмотрим феноменологический метод понимания. Рассмотрим формирование сознания в раннем возрасте. Сознание мы будем, по Гуссерлю [10], считать инстанцией, конституирующей смыслы. Первое, что выделяется модусе существования аутиста – это отсутствие горизонта сознания (потенциальности). Горизонт – это свойственный человеческому сознанию феномен, который состоит в том, что сознание удерживает в интенциональном акте не только непосредственный предмет этого акта, но и облако смысловых ассоциаций и эмоций, опыт знакомства с данным предметом. Сознание с перцепцией, но без горизонта не выходит на мышление, потому что лишено даже очень примитивных своих способностей. Оно не способно к смысловой интерпретации. Имеется много свидетельств, что субъекты с первичным аутизмом находятся в состоянии безгоризонтной перцептивной вовлеченности, их сознание заполнено перцепцией без ее понимания, интерпретации [1]. Отсюда непосредственно следует всегда наблюдаемое у них полевое поведение. Исключительное своеобразие ментальных состояний ребенка-аутиста описала бывшая аутистка, чудом излеченная от него, И. Юханссон [34]. В частности, в отсутствие понимания смысла происходящего, резко усилена перцепция, вплоть до синестезий.

Психологически (т.е. логически) все симптомы аутизма выводятся из предположения об изначальном нарушении социального механизма (взгляда глаза-в-глаза), что впоследствии приводит к отсутствию понимания указательного жеста (совместного внимания) и, соответственно, способности к выделению региона означаемых и означающих (потенциальности). У аутичных детей не появляется и взгляд в глаза, и прослеживания взгляда, и уже как следствие этого – не появляется и прослеживание указательного жеста. В отсутствие совместного внимания не появляется и произвольного внимания. Таким образом, не формируется горизонт сознания, в котором трансцендентальное Эго могло бы проводить акты конституирования смысла. Особенно важно отсутствие первичных учредительных актов, для которых совместное внимание принципиально необходимо.

Таким образом, феноменология дает возможность понять состояние больного, без чего невозможна его инклюзия.

4. Выводы

Современная когнитивная наука является, в основном, экспериментальной наукой. Будучи таковой, она изучает действия мозга человека мощными средствами (фМРТ), но без понимания смысла этих действий. Чтобы понимать субъекта, нужно относиться к нему как к свободному, но это невозможно для науки. Следовательно, данные когнитивной науки нуждаются в философско-психологической интерпретации. Наиболее подходящим философским инструментом для понимания смысла действий субъекта является феноменологический, к огромному потенциалу которого когнитивная наука обращается пока недостаточно. Насущная методологическая потребность когнитивной психологии состоит в том, чтобы стать междисциплинарной наукой, естественной с элементами гуманитарной, что повысит возможности инклюзии.

Литература

1. Аппе Ф. Введение в психологическую теорию аутизма. — М.: Теревинф, 2006. — 216 с.

2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. — М.: КСП+; СПб: Ювента, 1999. — 300 с.

3. Богдашина О. Аутизм: определение и диагностика. — Донецк: Лебедь, 1999. — 112 с.

4. Брушлинский А.В. Психология субъекта. Отв. ред. В.В. Знаков. — СПб.: Алетейя, 2003. — 272 с.

5. Бурно М. О характерах людей. — М.: Академический проект, 2006. — 640 с.

6. Когнитивно-бихевиоральный подход (Бэк. http://www.psyworld.ru/for-students/lectures/pathopsychology/186-2008-08-27-20-40-28.html, дата обращения 18.06.2016).

7. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 272 с.

8. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания. — В 2 т. М.: Смысл, 2006. — 448 с., 432 с.

9. Волков Д.Б. Теория сознания Д. Деннета : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. Москва, МГУ, 2008.

10. Гуссерль Э. Картезианские размышления. — СПб.: Наука, Ювента, 1998. — 316с.

11. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. — М.: Идея-Пресс, 2004. — 184 с.

12. Дильтей В. Описательная психология. — СПб.: Алетейя,1996. — 160 с.

13. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 382 с.

14. Зейгарник Б. В. Патопсихология. — М.: Из-во МГУ, 1986. – 287 с.

15. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. — СПб.: Питер, 1991. — 448 с.

16. Знаков В.В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие / Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65-74.

17. Когнитивная психология: история и современность / Фаликман М. и Спиридонова В. М.: Ломоносовъ, 2011 – 384 с.

18. Косилова Е.В. Взаимосвязь воли и разума в норме и патологии. Вестник Московского университета, №5, 2014, с.29-47.

19. Косилова Е.В. Психология математического мышления / Доказательство. Труды Московского семинара по философии математики. — М.: URSS, 2014. С. 349-374.

20. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2003. — 605 с.

21. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

22. Лэйнг (Лэнг Р. Д.) Расколотое "Я". СПБ.: Белый Кролик. 1995. — 352 с.

23. Микиртумов Б.Е. Ильичев А.Б. Клиническая семантика психопатологии. — СПб.: СПбГПМА, 2007. — 215 с.

24. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. — М.: МГППУ, 2008. — 464 с.

25. Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика. — М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. — 168 с.

26. Пенроуз Р. 2003. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. — М.: URSS, 2003 — 484 с.

27. Пископпель А.А. Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологий / Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 47-57.

28. Поддьяков А.М. Сравним эксперименты Милгрэма и Зимбардо. http://psyresearchdigest.blogspot.ru/2014/08/milgram-vs-zimbardo.html (дата обращения 25.03.16)

29. Поппер К. Взаимодействие и сознание // Знание и психофизическая проблема. — М., 2008. – 256 с.

30. Сартр Ж.-П.. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. — М.: "Политиздат", 1989. с. 319-344.

31. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменол. онтологии. — М.: Республика, 2000. — 928 с.

32. Солсо Р. Когнитивная психология. — СПб.: Питер, 2006. — 598 с.

33. Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. 1994. № 2. С. 3-13; № 3. С. 3-12.

34. Юханссон, И. Особое детство. — М.: Теревинф, 2010. — 157 с.

35. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. — СПб.: Прогресс, 1999. — 238 с.

36. Ясперс К. Общая психопатология. — М.: Практика, 1997. — 1056 с.

37. Anderson J.R, Cognitive Psychology and its implications, 3rd ed, W.F. Freeman and Co, New York 1990.

38. Fodor J. The Modularity of Mind: an Essay of Faculty Psychology. — MIT Press, 1983.

39. Garnham A., Oakhill J, Thinking and Reasoning. — Blackwell, Oxford, 1994.

40. Happé F., Frith U. (2006). The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders // J Autism Dev Disord 36 (1): 5–25.